

Стоило судье Фану протянуть руку, чтобы распустить пальцы, как раздался хруст — Ли Сяньфу прямо перед его носом сломал ручку, выразительно окинув взглядом нижнюю половину его тела.

Судья Фан инстинктивно сжал ноги.

Бросив в его сторону обломок ручки, Ли Сяньфу холодно усмехнулся и вошел в комнату.

Кончик ручки докатился до кожаного туфля судьи Фана. Щеки его гневно задергались. Злобно уставившись на дверь, за которой скрылся Ли Сяньфу, он процедил сквозь зубы:

— Ну погоди у меня! Ты еще пожалеешь!

.....

Было всего чуть больше семи часов вечера, и до сдачи работ оставалось еще больше часа.

Чтобы защитить себя от любых подлых выходов, Ли Сяньфу ни на секунду не расставался со своим планшетом для рисования. Закат в древней деревне был невероятно красив. Лучи заходящего солнца косо падали из окна, и он не удержался, чтобы еще раз полюбоваться своей картиной.

На рисунке Цинь Цзинь стоял в полуобороте. Красная родинка на его плече выглядела особенно броской, а обнаженный торс, прижатый к грубой коре дерева, рождал ощущение редкой, первобытной красоты.

— Великолепно.

Когда Ли Сяньфу прищурился, в его глазах отразились золотистые блики заката, но сам он даже не подозревал, насколько прекрасен в этот миг.

Перечитав взглядом картину несколько раз, он почувствовал глубокое удовлетворение: в конце концов, искусство восторжествовало над боязнью обнаженного тела.

И правда, только возвышенные стремления способны спасти душу.

Убрав холст, он засмотрелся на закатное солнце и вдруг вспомнил о Цинь Цзине — ведь именно он приложил к этой картине больше всего усилий.

Цинь Цзинь согласился помочь, и правила вежливости требовали как-то отблагодарить его. Однако сначала нужно было прояснить одну деталь. Ли Сяньфу установил планшет и принялся набрасывать эскиз. Его руки двигались автоматически, а мысли возвращались к словам, которые недавно произнес Цинь Цзинь:

— Я бывал здесь несколько раз в прошлом. За годы это место почти не изменилось.

Цинь Цзинь всегда действовал с четким умыслом.

Раньше Ли Сяньфу думал, что цель Цинь Цзиня — добиться его расположения. Но если поразмыслить, в поезде Цинь Цзиню хватило одной фразы, чтобы согласиться остаться друзьями, и с тех пор он не проявлял никакой навязчивости. Однако, когда они осматривали старый особняк и Ли Сяньфу упомянул о поездке на пленэр, Цинь Цзинь тут же стал спонсором мероприятия и выделил солидный призовой фонд.

Разве может человек, готовый идти такими обходными путями ради завоевания чьего-то сердца, в один миг отказаться от своей навязчивой идеи?

Пока он размышлял, простой карандашный набросок был уже готов.

Ли Сянфу встал, собираясь выйти на улицу, но вдруг передумал, сел обратно и набросал второй рисунок.

Закончив работу, он прошелся по древней деревне и заметил старосту, который сидел у порога своего дома и перебирал овощи. Ли Сянфу подошел поздороваться. Перекинувшись с ним парой незначительных фраз, он достал портрет Цинь Цзиня:

— Человек, который приехал с нами... Он ведь и раньше часто здесь бывал?

Староста с подозрением посмотрел на него: расспросы о незнакомцах без всякой причины всегда выглядели странно.

Ли Сянфу не стал ничего объяснять и щедро протянул ему пачку купюр.

Староста пересчитал деньги. Там оказалась ровно тысяча юаней — ни больше ни меньше. Вопросы о скрытых мотивах тут же отпали сами собой. Он кивнул и ответил:

— Да, заглядывал несколько раз, останавливался на два-три дня. Только в самой деревне он почти не бывал — все больше ходил в пешие походы по окрестностям.

Ли Сянфу вытащил второй рисунок. В отличие от первого, этот был цветным, а изображен на нем был какой-то неформал с безумной разноцветной шевелюрой.

Староста пристально вглядывался в рисунок несколько секунд, пытаясь вспомнить.

— Кажется, года четыре или пять назад он проходил через наши места... Вроде собирался на Снежную гору. Я его еще отговаривал, мол, в это время года можно навлечь Гнев Лейгуна, так что лучше не соваться туда.

Ли Сянфу скрыл возникшие подозрения и спросил:

— Столько времени прошло, а вы все еще помните?

— Лицо-то я уже позабыл, но вот этот вид ни с чем не спутаешь.

Староста еще раз бросил взгляд на разноцветные волосы и густую челку, закрывающую глаза, и покачал головой с тихим цоканьем.

Ли Сянфу поспешно указал на портрет Цинь Цзиня:

— А этот человек тогда был с ним?

Староста покачал головой:

— Нет, его не было. С тем парнем шел другой юноша.

Эта неожиданная новость заставила сердце Ли Сянфу забиться быстрее, а кровь прилила к лицу. Пытаясь совладать с хаосом в мыслях, он продолжил расспросы, но староста больше ничего не знал.

Слегка одеревеневшими пальцами Ли Сяньфу поправил растрепанные ветром длинные волосы и глухо спросил:

— А что такое Гнев Лейгуна?

— Так у нас зовут местное явление, — принялся объяснять староста. — Раз в несколько лет над Снежной горой сверкают молнии и грохочет гром. И все это по ночам, зрелище жуткое. В такие дни половина неба полыхает заревом, а тучи опускаются так низко, словно прямо над головой висят.

Рассказ старосты был простым, без прикрас, но Ли Сяньфу все равно живо представил себе это величественное и пугающее зрелище.

— Жаль только, молодежь советов не слушает. Тот парень еще заявил, что как раз ради этого чуда природы сюда и приехал, — староста пожал плечами. — Вскоре после этого я увидел, как к Снежной горе полетели вертолеты. Наверное, спасатели.

Время от времени в горах терялись горе-туристы, так что староста давно перестал удивляться подобному.

Ли Сяньфу сам не заметил, как попрощался со старостой. Он на автопилоте поднялся и побрел обратно. Придя в себя, он обнаружил, что стоит у стены какого-то жилого дома. Холод камня, проникавший сквозь рубашку, отрезвил его и помог немного успокоиться.

Переведя дух, он принялся выстраивать хронологию событий. Несколько лет назад он сам с кем-то отправился сюда на поиски приключений. А в последние годы сюда зачастил Цинь Цзинь.

Реклама, инвестиции, туризм... Если отбросить все эти версии, то единственной причиной, заставлявшей Цинь Цзиня возвращаться сюда, оставался человек. Это мог быть возлюбленный, член семьи или же просто призрак прошлого — какое-то дорогое воспоминание.

У Цинь Цзиня не было собственной семьи, и ему незачем было прятать кого-то в глухой горной деревне. Длинные ресницы Ли Сяньфу дрогнули. Он опустил голову и прошептал:

— Семья...

— Мой младший брат учился в той же старшей школе, что и ты.

— Он сбежал из дома.

Вспоминая их прежние разговоры, Ли Сяньфу почувствовал, как по спине пробежал холодок. Беспокойство Лю Юя, когда тот помогал ему покупать гуцинь и панически боялся столкнуться с Цинь Цзином, а также пост Ло Аня в соцсетях со словами «злодея покарают небеса» — все это теперь складывалось в единую мозаику и указывало на одну вещь...

Человеком, у которого на самом деле была старая вражда с Цинь Цзином, был вовсе не кто-то из его семьи, а он сам.

«Цинь Цзяюй». Сколько бы он ни повторял про себя это имя, кроме легкого головокружения оно не вызывало у него абсолютно никаких воспоминаний.

Слова о побеге из дома означали, что Цинь Цзяюй до сих пор не вернулась.

Да и поведение членов его собственной семьи казалось странным... Они словно боялись, что Цинь Цзинь выместит свой гнев на нем.

Но одного этого объяснения было мало.

Его собственный мобильный телефон забрали организаторы на время конкурса, а единственный номер, который он помнил наизусть, был домашним стационарным. Ли Сяньфу снова набрал его с автомата.

— Папа, когда ты в отъезде, постарайся сохранять душевное спокойствие и не звони домой так часто, — раздался в трубке голос Ли Шаши.

— Кто сейчас дома?

— Твой старший брат.

Этот ответ удивил Ли Сяньфу.

— Кажется, зашел за какими-то документами, — добавил Ли Шаша.

Сначала Ли Сяньфу хотел попросить его передать трубку Ли Хуайчэню, но в последний момент передумал и решил сначала рассказать Системе о Цинь Цзине.

Ли Шаша ненадолго задумался, а затем спросил:

— Раз он сближается с тобой так осторожно, значит, это не безответная любовь, а смесь любви и ненависти?

Ли Сяньфу прикрыл глаза, а когда открыл их, произнес:

— ...Надеюсь, девятилетнее обязательное образование спасет твою склонность к романтическим фантазиям.

Со второго этажа слышались шаги. Ли Шаша повернулся к Ли Хуайчэню, который в спешке собирался обратно в офис, и спокойно произнес:

— Папа спрашивает, почему вы скрываете от него правду о Цинь Цзяюй?

Ли Хуайчэнь резко замер.

Спустя несколько секунд он забрал трубку у Ли Шаши:

— Ты все узнал?

Ли Сяньфу вкратце пересказал ход своих рассуждений.

Ли Хуайчэнь отложил документы в сторону и потер переносицу. Теперь он наконец понял, почему отец всегда повторял, что больше всего на свете боится редких моментов проницательности Ли Сяньфу.

Около минуты в трубке царил молчание. Наконец Ли Хуайчэнь тяжело вздохнул и коротко объяснил ситуацию:

— Когда прибыли спасатели, Цинь Цзяюй уже пропала без вести, а на месте нашли лишь

немного ее крови. К тому же вы провели в снежной западне несколько дней без еды. Как ты думаешь, какие слухи поползли среди людей?

И даже если бы провизии хватало, внезапное исчезновение человека посреди ледяной пустыни у любого мало-мальски мыслящего человека вызвало бы самые мрачные подозрения.

— Ты тогда получил травму головы, тебе нельзя было волноваться, поэтому отец сделал все возможное, чтобы замять это дело. В то время Цинь Цзинь пытался прийти к тебе в больницу, но мы его не пустили.

— Значит, место для пленэра выбрали здесь не случайно? — задумчиво произнес Ли Сяньфу. — Возможно, Цинь Цзинь хочет, чтобы я все вспомнил?

Ли Хуайчэнь не стал этого отрицать.

Ли Сяньфу немного помолчал, а затем спросил:

— И как долго вы собирались молчать, если бы я сам обо всем не догадался?

— Твоя сестра уже попросила Аньцин поехать туда и во всем признаться тебе лично.

Ли Сяньфу снова промолчал.

— Раз уж ты все выяснил, держись от Цинь Цзиня подальше, — сказал Ли Хуайчэнь. — И не забывай каждый день звонить нам и сообщать, что ты в порядке.

— Хорошо.

Повесив трубку, Ли Хуайчэнь неожиданно столкнулся взглядом с парой блестящих глаз. К сожалению, Ли Шаша страдал полным отсутствием мимики, поэтому более сложные эмоции выразить не мог.

<http://bllate.org/book/18300/1756964>